

*Вершина разума - осознан
что есть то, что этим*

ОЛЕГ ГАЙДАМОВИЧ

ГУАШЬ
АКВАРЕЛЬ
УГОЛЬ
ФОТО
ПЛАСТИКА

Вершина разума - осознать,
что есть то, что этот разум превосходит.

/ Андрей Тарковский/

ОЛЕГ
ГАЙДАМОВИЧ

ГУАШЬ
АКВАРЕЛЬ
УГОЛЬ
ФОТО
ПЛАСТИКА

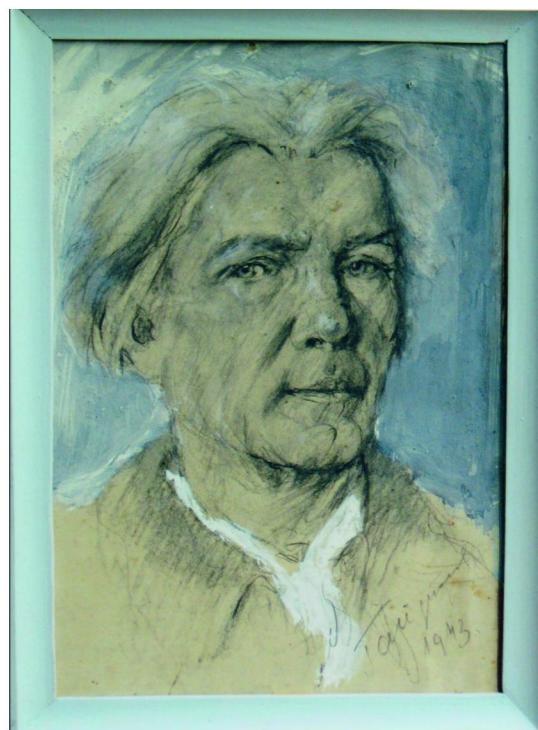
Каспарас Гайдис

Священномученик
Евграф Плетнёв

Ольга Евграфовна и Матвей Иванович Гайдамович

Всякое искусство стремится быть похожим на музыку.
Уолтер Пейтер

Вы держите в руках необычный альбом. Автор - профессиональный музыкант-пианист. За полвека через фортепианный класс Заслуженного работника культуры Олега Игоревича Гайдамовича в Асбестовском колледже искусств прошли десятки студентов-пианистов. Зрители всегда с нетерпением ждут его авторских литературно-музыкально-художественных композиций: «Бетховен», «Меж мертвой и живой отчизн», «Танец огня», «Анданте ада Данте». Он хорошо известен персональными выставками - «Полеты во сне», «Немного космоса в кленовом листе», «Всплеск тишины», «Интратверсия» - в Асбесте, Екатеринбурге, Среднеуральске. Коллектив нетрадиционных инструментов «Гамадрил», которым руководит маэстро, сумел запомниться не только публике Асбеста, но и екатеринбуржцам, и добрался даже до Первого канала ТВ. Сейчас экспериментами в области звукотворчества занимается уже десятое поколение «гамадрильцев». Сотни фоторабот хранят мгновения неординарной жизни мастера. С чего же все началось?

Олег Игоревич Гайдамович родился в Свердловске в 1947 году, в семье военного. Родители не имели никакого отношения к искусству. В музыку его привела бабушка, Ольга Евграфовна Гайдамович, талантливая пианистка, в прошлом – студентка Петербургской консерватории, где ее опекал Глазунов и слушал Рахманинов, предвещая большое будущее. Революция 1917 года оборвала учебу и забросила юную пианистку на Урал. До 1960-х годов О. Е. Гайдамович работала концертмейстером в Свердловском оперном театре, где судьба снова свела ее с интереснейшими людьми: она аккомпанировала Козловскому, Лемешеву, Собинову, Штоколову.

Потребность рисовать (которая дала о себе знать заметно позже) была унаследована от деда, Матвея Ивановича Гайдамовича, который тоже провел юность в северной столице: учился в Академии художеств, позже на Урале стал членом Союза художников СССР. Его отец, земский врач, служа на Кавказе, получил дворянство за особые заслуги. Другой прадед, протоиерей Евграф Плетнев, служил в Пермской губернии с 1900 по 1918 год в одном из православных храмов, пока не был расстрелян вместе с сыном. В 2000-х годах священник был канонизирован и причислен к лику святых новомучеников и исповедников Русской православной церкви. Сплетение генов, художественных и церковных, со временем приведет музыканта, художника, поэта Олега Гайдамовича к пониманию творчества как одинокого богослужения.

Как многие, Олег Гайдамович родом из детства. По собственному признанию, одним из мощнейших факторов, повлиявших на склад личности, явились впечатления от природы: еще до школы, в глухи, на озере Иткуль, где среди заливов, камышей и гор он проводил каждое лето, в душе зарождалось чувство пронзительного счастья от слияния с безграничностью. С возрастом, когда руки потянулись к кисти, любовь к природе визуализировалась на бумаге в печальных акварелях: «Весна воды», «Весна света», «Воздух весны». Прозрачные, неброские березки. Задумчивые, полные неизъяснимой грусти. «У Рахманинова есть фраза о том, что печаль является творческой доминантой для создания произведения. Почему-то в радости нет этого созидающего заряда».

Результатом увлечения идеей синтеза стали пробы себя в других сферах самовыражения через искусство: в поэзии, фотографии, живописи, графике, скульптуре. Но все же объединяющим и определяющим устремлением всегда была музыка. Как наиболее абстрактное из искусств и составляющая основу профессии и мировоззрения, она оказала серьезное влияние на художественный почерк Гайдамовича: пейзажная лирика – в акварельных этюдах, космичность, эзотерика – в гуашевых импровизациях, лихая вседозволенность – в угольных экзерсисах, концептуальная дерзость, кураж – в эксцентрической пластике.

Печальное очарование вещей, свойственное работам Олега Гайдамовича, присуще и поэзии его любимых Бусона, Иссы, Такубоку. Очевидно, единство «вселенского» и «повседневного», столь характерное для японской поэзии, очень близко творческой натуре художника. Он работает в основном в технике акварели и гуаши. Многие акварели написаны в технике а ля prima, когда краска легкими и быстрыми мазками ложится на влажную бумагу. Благодаря этому тона становятся полупрозрачными, а переходы – постепенными.

«На поверхности этих стихов не чувства, а цветы», - писал Такахама Кёси. – «Чувства скрыты в глубине и влагой, звуками, мелодией пропадают на поверхности стихов». Характерно, что наиболее удаются Гайдамовичу живописные отзвуки именно «звуковых» японских трехстиший, таких, как стихотворение Бусона: «Осенний ветер/ мелкие камни бросает/ в колокол храма».

Перелистаем альбом. На первый взгляд, некоторые работы художника могут показаться непонятными и необъяснимыми. Клубы дыма, разноцветные пятна, зигзаги и разводы поначалу слегка озадачивают. Но стоит только приглядеться, прислушаться, и удивительная мелодия поведет нас за собой по «Эоловой арфой», через «Туманность» к «Тишине». Вы услышите тонкий шелест «Лесной глухи» и шум моря в «Аккорде». Взмахнут крылья ангела в «Чайке Джонатан» г де-то «Возле Огненной Земли». «Занавеса –органа». А затем через «Наваждение» к «Танцу огня».

Порой кажется, что живописный мир Гайдамовича не знает Солнца. Грусть весенних акварелей вдруг перебивается совершенно мрачной «Зоной» - с месивом дорог, зловещей чащей и покосившимся телеграфным столбом – могильной столой. «Бесконечный арабеск» не радуется бессмертию, ведь существование – тяжелое бремя. Даже Ассоль не дождается своего Грея – «Алые паруса» отходят от берега и видны уже через мокрую пелену слез.

Но вот перед нами «Трансцендентные этюды», как выражается художник и музыкант, серия работ, объединенных общим стремлением к недосягаемым мирам, желанием преодолеть границы привычного существования. Это путешествие к мифическому сознанию через интуитивное восприятие увиденного, оно, как и любое другое путешествие, начинается с ожидания события, его предчувствия. «Звучащая» тишина или «безмолвная» музыка – предвестницы колдовства. Подвижная субстанция красок вылилась, растеклась, разбрзгалась разноцветьем на бумагу и ...застыла.

«Все искусства - суть одного явления – совершенствования духа. Я стремлюсь переплести разные виды творчества, и делать это стараюсь, пуская процесс в свободное плавание. Потому полагаюсь на вдохновение и тщу себя надеждой, что кто-то свыше ведет мою руку». Одна из выставок Олега Гайдамовича называлась «Созерцатель». «Для меня главное в художнике - умение увидеть, почувствовать и понять. Жизнь перед нами непрерывно развертывает киноленту образов, событий, запахов и звуков. По профессии я музыкант: я прежде «слышу» этот мир, его музыку и гармонию, его ритмы. А потом приходит уже и зрительное осознание. Но важно, чтобы гармония ощущалась во всем. Чтобы картина или фотография звучали, звенели, напевали, шуршали. У природы ведь необычайный набор инструментов. Это может быть капель, треск поленьев в костре, шуршание шин по асфальту. И все это может стать темой для медитации. Японские художники необычайно умеют «увидеть». Разглядеть, например, в обыкновенном камне горные вершины, водопады, храмы. Так и я стремлюсь увидеть в дымке, завитке или цветовом всполохе моих монотипий образ, в них заключенный». Вместе с картинами Гайдамовича мы можем путешествовать по горным вершинам Гималаев, спуститься в глубины морей или просто почувствовать себя кузнецом, копошащимся в траве и слушающим неповторимую музыку вечности, как в строках Басё: «О, не топчи траву! / Там светлячки сияли/ вчера ночной порой!» Восприятие стиха с акварелью подобно принципу сложения другого японского поэтического жанра – рэнга («нанизанные строфы»), в сочинении которого принимают участие два или более поэтов. Вот и Олег Гайдамович всем своим творчеством рассчитывает на диалог со зрителем и ждет его.

Из откликов завороженных посетителей выставок:

«Смотря на эти работы, во мне что-то менялось в лучшую сторону...

Ольга Марейчева

В далёком краю,
Где в синие воды
Глядятся высокие горы,
Исчезнет, я знаю, навеки
Вся скверна, осевшая в сердце.

Одзава Роан

Во многом знании - не малая печаль, так говорил творец
Экклезиаста.

Я вовсе не мудрец, но почему так часто
Мне жаль весь мир и человека жаль?

Природа хочет жить, и потому она
Миллионы зёрен скармливает птицам,
Но из миллиона птиц к светилам и зарницам
Едва ли вырывается одна.

Вселенная шумит и просит красоты,
Кричат моря, обрызганные пеной,
Но на холмах земли, на кладбищах вселенной
Лишь избранные светятся цветы.

Я разве только я? Я - только краткий миг
Чужих существований. Боже правый.
Зачем я создал мир и милый, и кровавый,
И дал мне ум, чтоб я его постиг!

Н. Заболоцкий

Снова весна

Всевидящий

Аккорд

Вкус шиповника

Чайки

Одиночный рыбак

Одиночество

Лесные дали

Весна воды

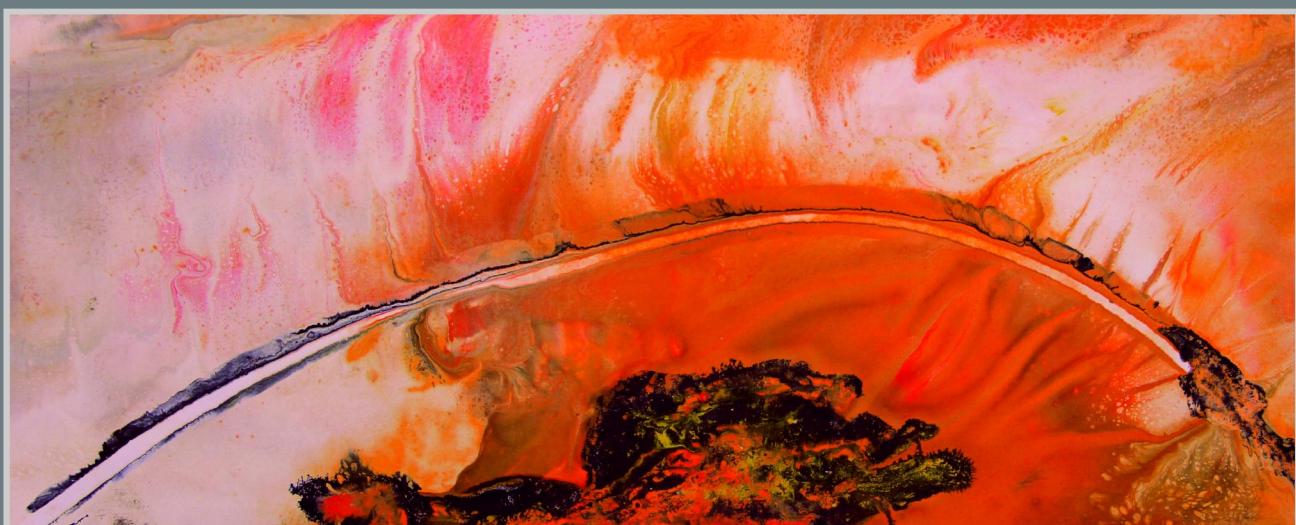

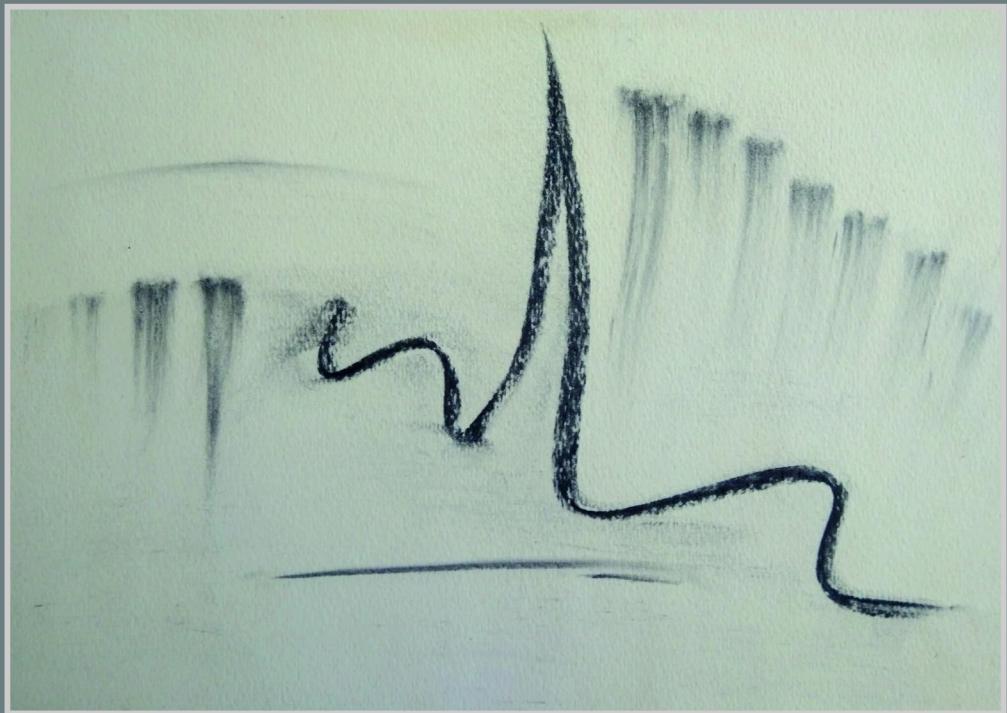
Алые паруса

Танец огня

Мир огненный

Via Dolorosa

У пустого гнезда

Метатопор

Притяжение тумана

Все течет

Лета, река забвения

Зона

Разум есть, быть может,
одно из средств,
которое избрала Вселенная,
чтобы с собой покончить.

/ Поль Валери /

Энтропия

... на стекла вечности
уже легло
мое дыханье,
мое тепло...

/О. Мандельштам/

Октябрь серебристо - ореховый,
Звон заморозков оловянный,
Осенние сумерки Чехова,
Чайковского и Левитана.

/ Б. Пастернак/

Околица

Дни поздней осени

Листья жгут

В синем и далеком океане,
Где-то возле Огненной Земли
Плавают в сиреневом тумане
Мертвые ночные корабли.

Их ведут слепые капитаны,
Где-то затонувшие давно,
Ночью их немые караваны
Плавно опускаются на дно.

Ждет их океан в свои объятья,
Волны их приветствуют, звеня.
Страшны их бессильные проклятья
Солнцу наступающего дня.

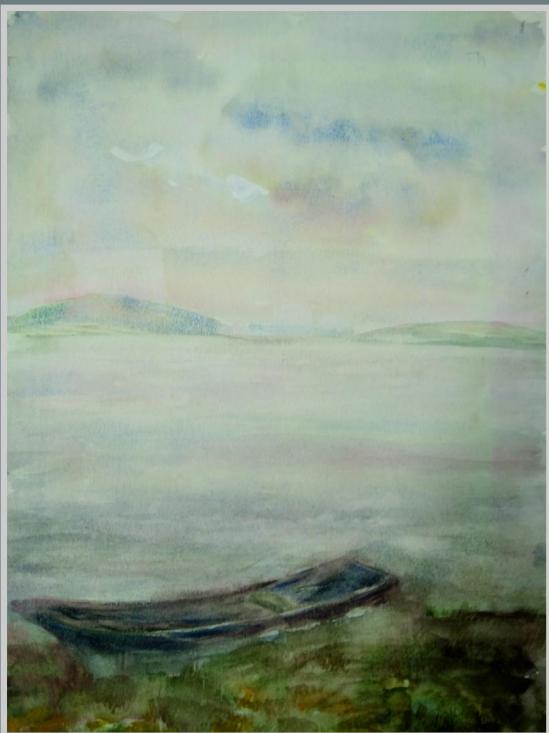
/А. Вертинский /

Паруса

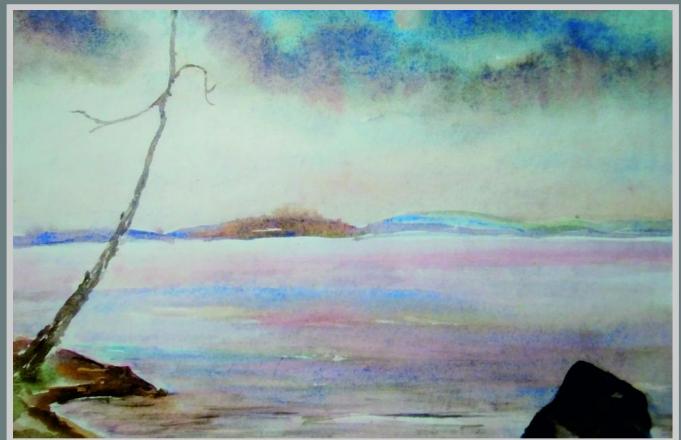

Где-то возле Огненной Земли...

Озеро утро

Озеро день

... Как я люблю тебя. Есть в этом
Вечернем воздухе порой
Лазейки для души, просветы
В тончайшей ткани мировой...

/ В. Набоков /

Озеро вечер

Инферно

Наваждение

Река времен в своём стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы

/ Г. Державин/

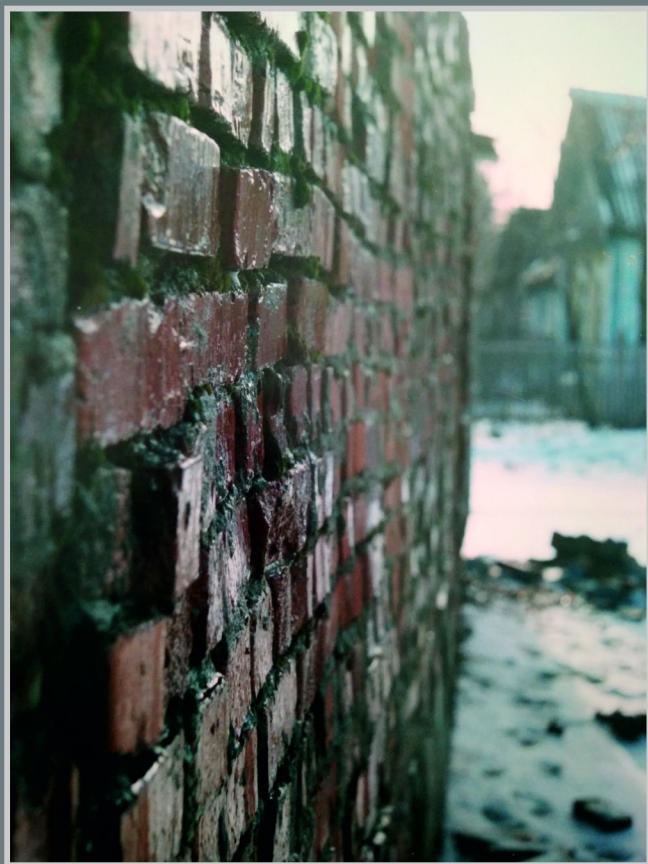

Березы на берегу

Светлая чаща

Мокрая стена

Пузыризм

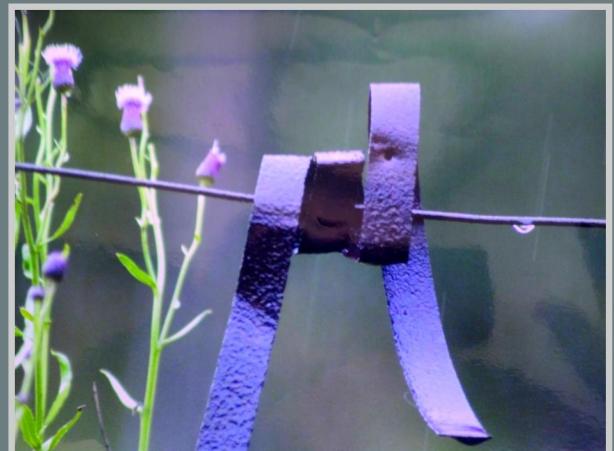

Шаги на снегу

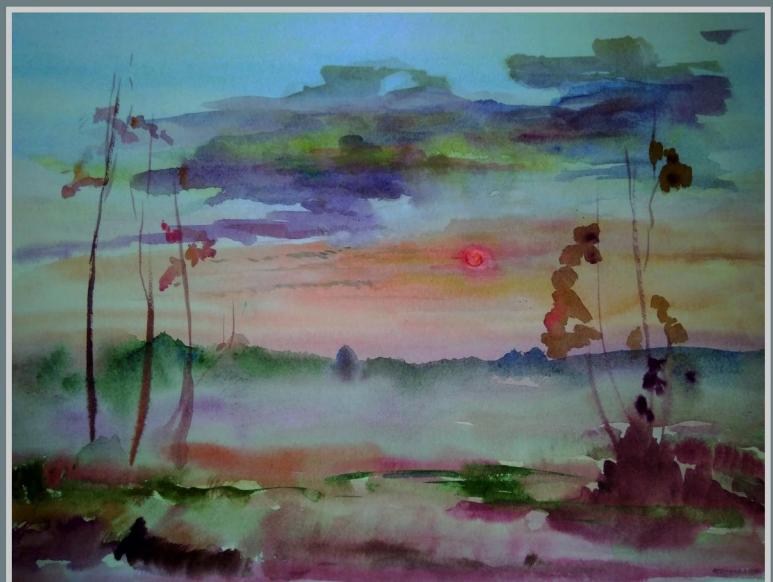
Березы в октябре

Вместе под дождём

Закат с туманом

Природы обесчещенной цари,
Пространства покорители лихие,
Ослабшие рассудком дикари,
Немые крикуны, слепцы глухие!

Какой бы вы ни издавали клич,
Наотмашь раскидав ракет и зондов,
Вам всё равно сознанье не постичь
Иных миров, высот и горизонтов.

Но, если тщетность разума понять,
И, усомнившись в собственном величии,
Отринуть нрав и зуд земной унять
И человечье изменить обличье,

Сродниться с тем, что существует кроме вас,
И даже с тем, чего не существует,
Где звука нет и где не надо глаз,
И лишь одно незнанье торжествует...

Когда вы обрёте этот шанс,
И если вам позволит Провиденье,
И вдруг вас привлечёт вселенский транс,
И вы получите благословенье,

Тогда вам, может, явятся миры...
И жуткий ряд картин придёт в движенье,
Как продолжение игры
Людей земных воображенья.

/ О. Гайдамович /

В тисках

Челюсти

Технический прогресс

Прерванный полёт

Техника - последняя любовь
человечества

/ Н. Бердяев /

Сойди с дороги, проторённой не тобой,
И сквозь туман и клочья паутины
Проглянут и поманят за собой
Прекрасные и страшные картины.

Там нет привычных очертаний форм,
Там время и пространство – беспредметны,
И катится неслышных звуков гром,
В пучинах исчезая безответно.

Над океаном мерзости и зла,
По берегам, крестами насаждённым,
Подобьем опалённого крыла
Витает скорбь по душам осаждённым.

На высоте опущенных ресниц,
Внизу взметнувшегося к небу взора
Расположилась нежность без границ,
без тени молчаливого укора.

Вздымая горизонта кривизну,
Горизонталь меняя вертикалью
Тем чёрный свет, пронзая белизну,
Царит, как крест, поставленный печалью.

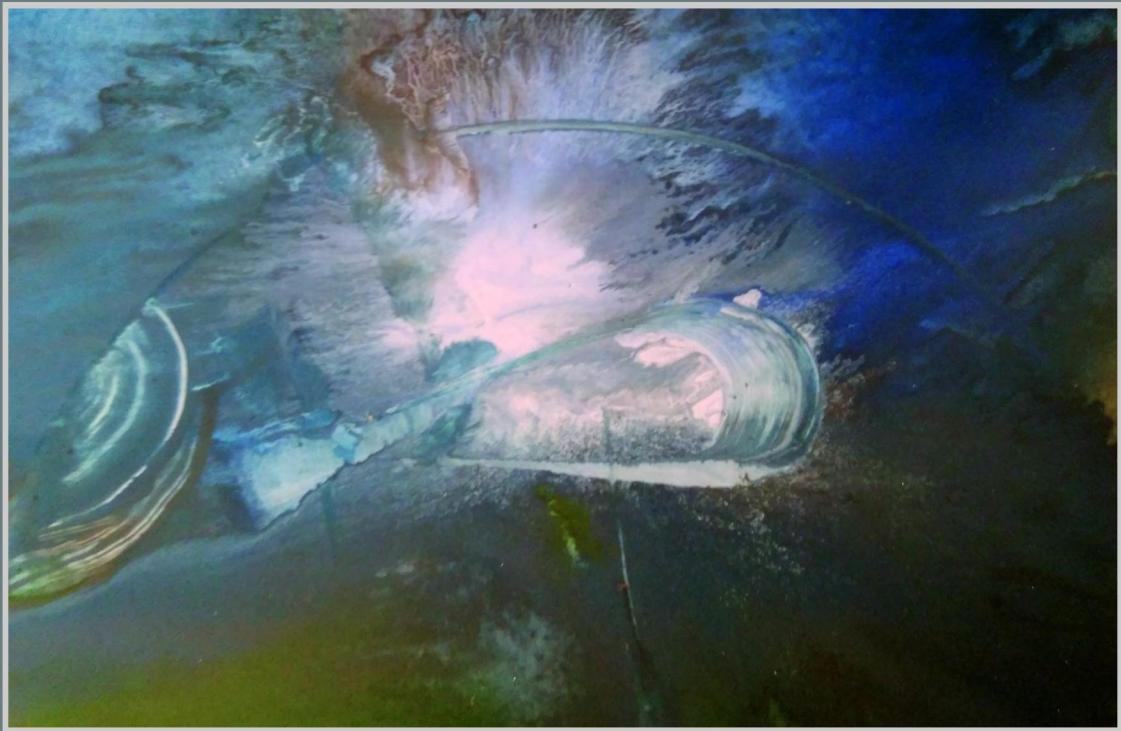
Царят два демона: страдание и страсть,
И бытия вопрос решая вечный,
Всепобеждающая духа власть
Стирает в пыль рассудок человечий.

И от тенёт его освободясь,
Сольются с истиной твоё предназначенье,
Твои тревоги, радости, мученья
В картинах страшных и прекрасных воплотясь.

/О. Гайдамович /

Terra incognita

Туманность

Астрал

Зарождение

Космы космоса

Я всё время где-то вижу птицу,
непутёвый русский я Иван.
Надоело каждый день садиться
мне на свой прокуренный диван.
Мне бы в степь разгульную податься,
обуздать буланого коня,
не держась, за птицами погнаться,
чтоб, споткнувшись, сбросил конь меня.
Чтоб я в диком сальто смерил воздух
и с землёй сошёлся головой,
чтоб лежал и думал: может, поздно
представлять, что я ещё живой?
Может, надо, руки враз раскинув,
позабыть напрасный зуд земной,
чтобы ворон, голый сук покинув,
Закружился плавно надо мной.

/ О. Гайдамович /

1. Птица
2. Ностальгия
3. Удачный выстрел
4. Чайка Джонатан

1.

1. Ах, этот вечер ...
2. Мираж
3. Эолова арфа
4. Закат

2.

3.

4.

1.

2.

3.

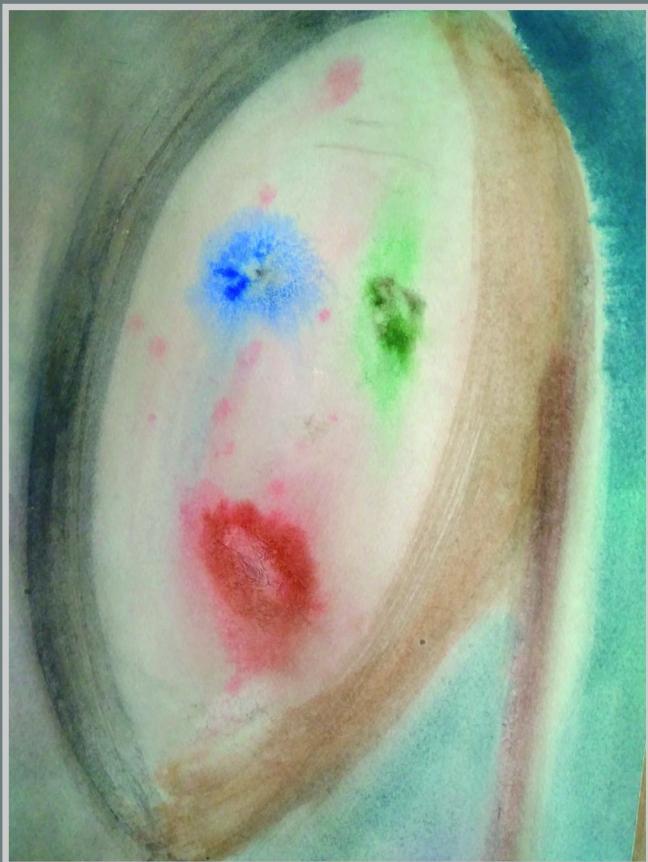
1. Окно
2. Сильфида
3. Пришелец
4. Ключ

4.

Иногда,
По весне,
Надо просто молчать.
Ничего,
Никому
Не хочу отвечать.
Только в небо смотреть
И плечом пожимать,
Ничего,
Никому
Не хочу пожелать,
Только голову набок
И взгляд вникуда...
И бежит,
И течёт,
И несётся вода,
И ничто
Никогда
Не вернётся сюда,
Но когда-нибудь будет
Опять, как тогда:
Только голову набок
И взгляд вникуда.

/ О. Гайдамович /

1.

2.

4.

3.

1. Женский портрет

2. Мадонна с младенцем

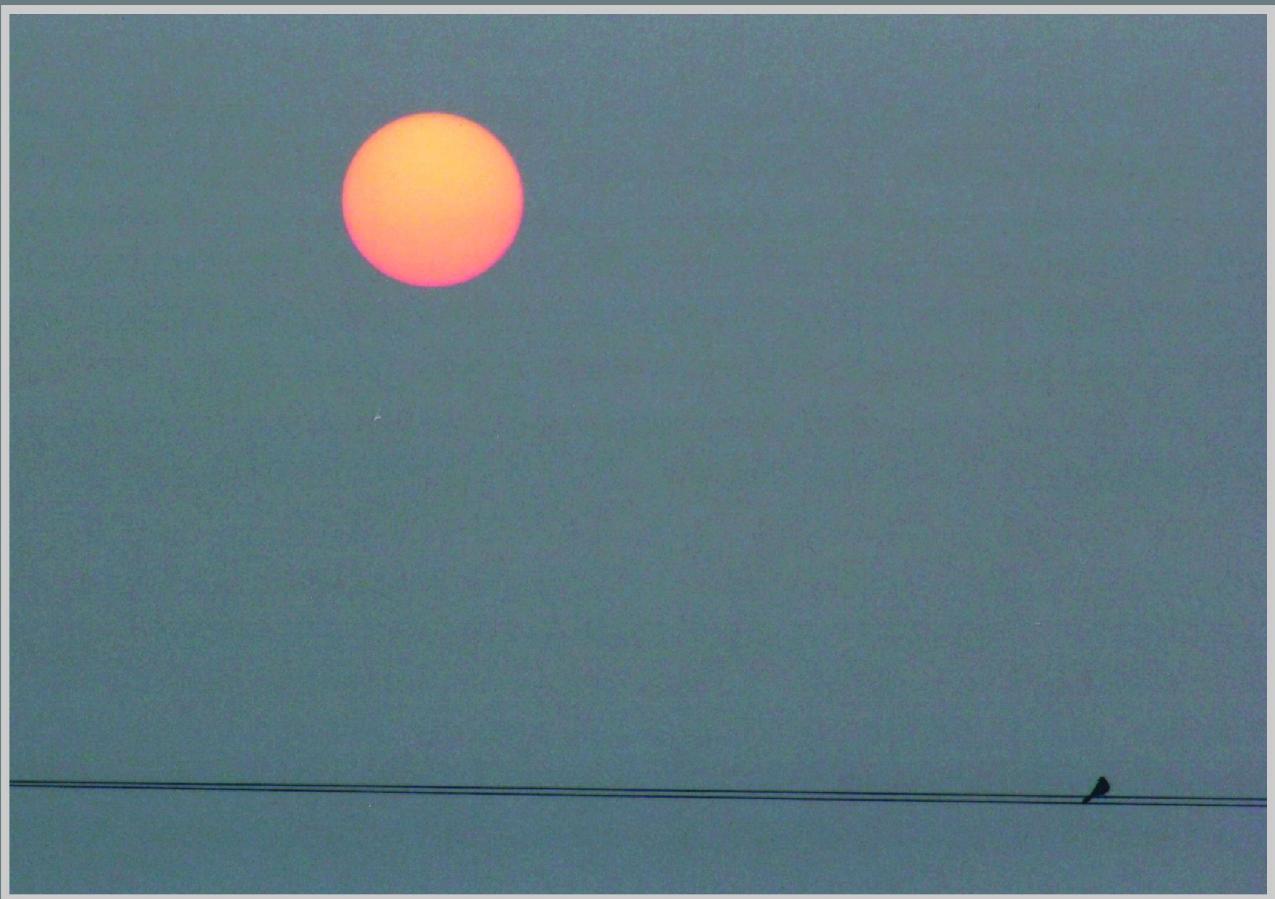
3. Портрет

4. Па-де-де

5. Коллектив

5.

2.

3.

1. Созерцатель
2. Зимний путь
3. Лесная вода
4. Короткий зимний день

4.

Звук осторжный и глухой
Плода, сорвавшегося с древа
Среди немолчного напева
Глубокой тишины лесной.

/ О. Мандельштам /

1.

2.

3.

1. Крушение
2. Закат на горелом озере
3. Смерть прекрасна
4. Иных уж нет

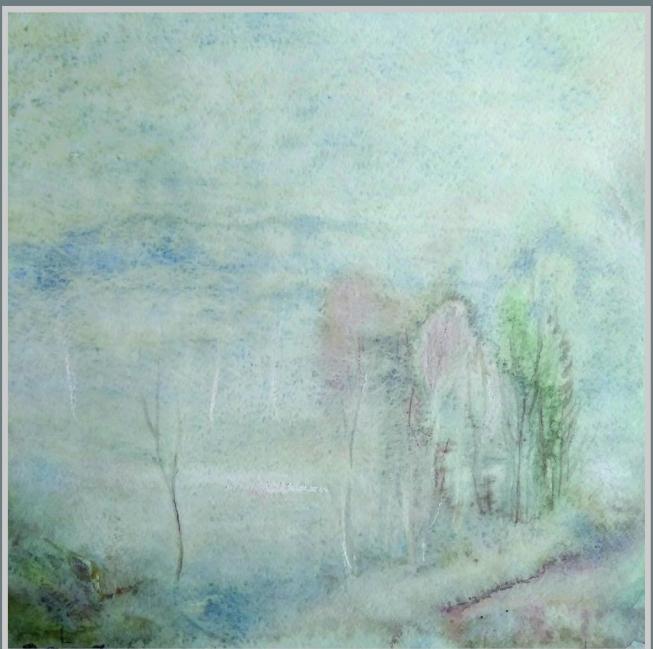
4.

1.

2.

1. Утренняя звезда
2. Утро, туман, берег реки
3. Лунная ночь
4. Вышел месяц

4.

3.

Две жизни

Приода - сфинкс, и тем она верней
Своим искусством губит человека,
Что может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней

Ф. Тютчев

Финиш мыльных пузырей

Сегодня мы так же далеки
от решения философских вопросов,
как и всегда.

/Гьетеруд, физик/

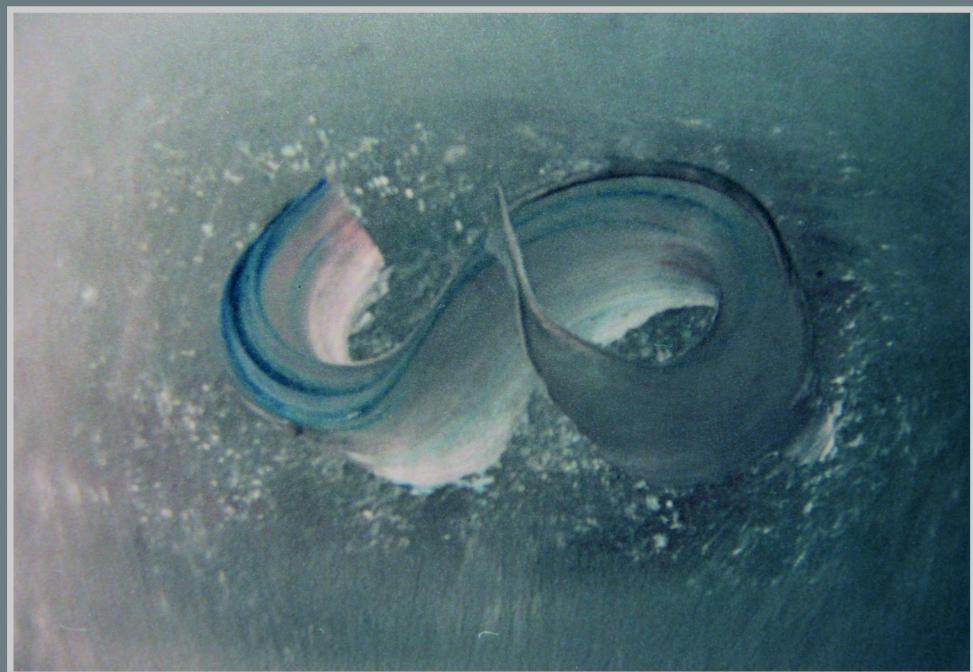
Дорожка

Август

1.

2.

1. Бесконечный арабеск
2. Табу
3. SOS

Спасите наши души,
Мы бредим от удушья,
Спасите наши души,
Спешите к нам!

/ В. Высоцкий /

3.

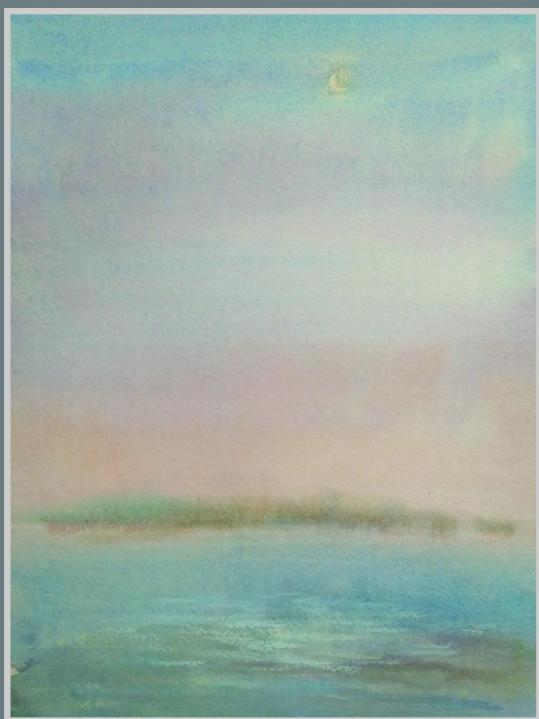
1.

2.

3.

1. Отражение осени
2. Утомлённое солнце
3. Тишина

1.

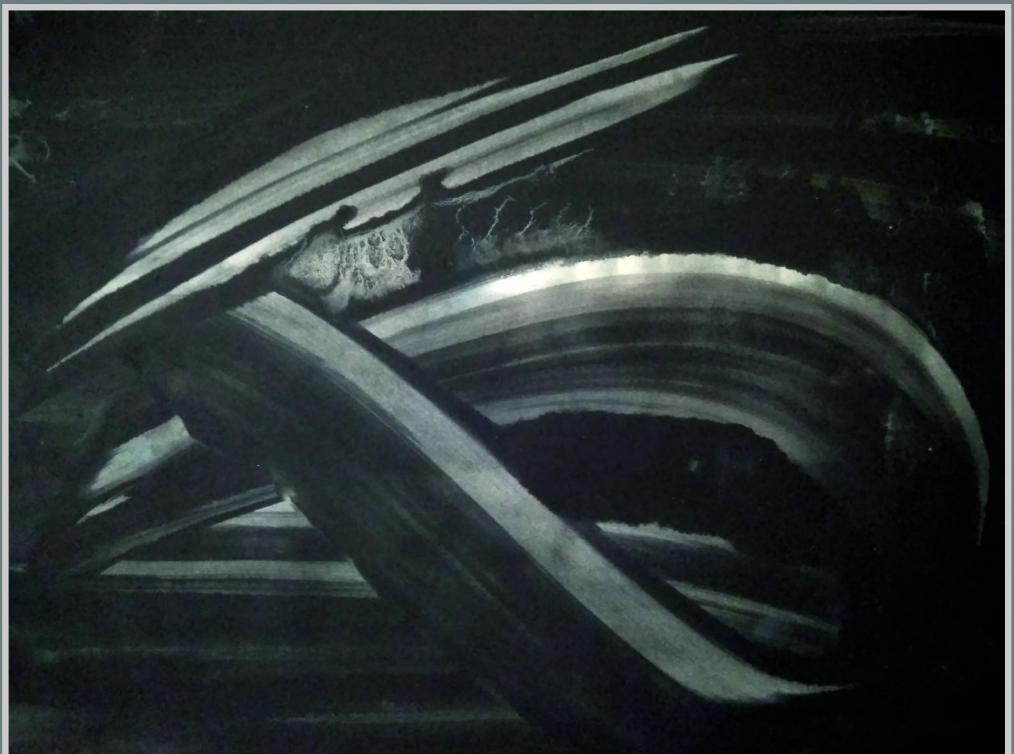

2.

1. Метатеррор
2. Ночной ангел
3. Путями Каина

3.

1.

2.

1. Знамение
2. Русская грусть
3. Последний причал

3.

1.

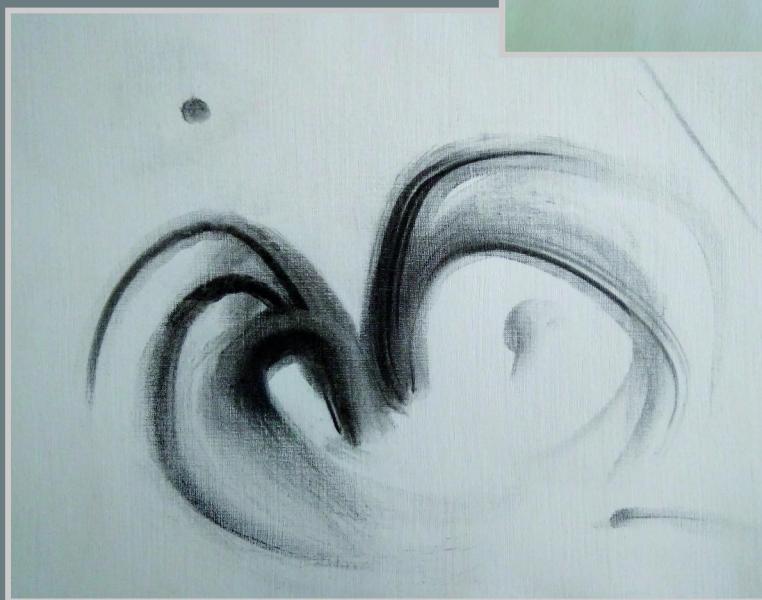
1. Тишины хочу

2. Бабочка

2.

3.

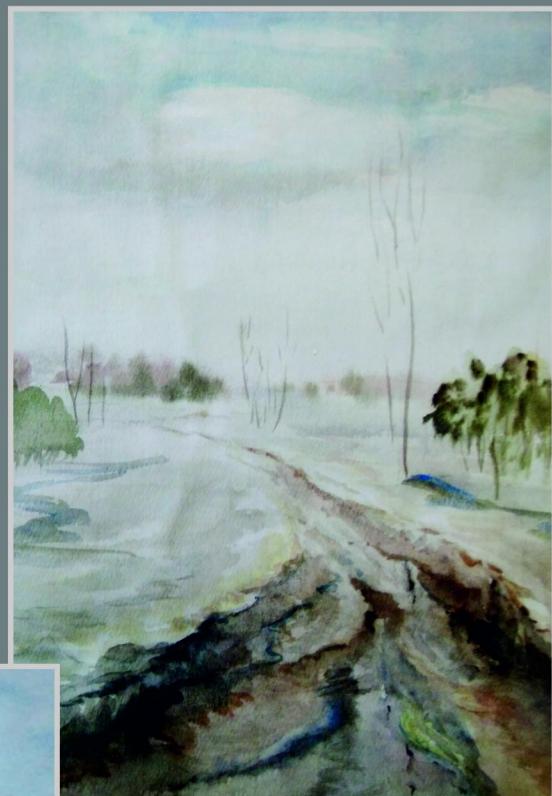

3. Вопрос
4. Фонтан

1.

2.

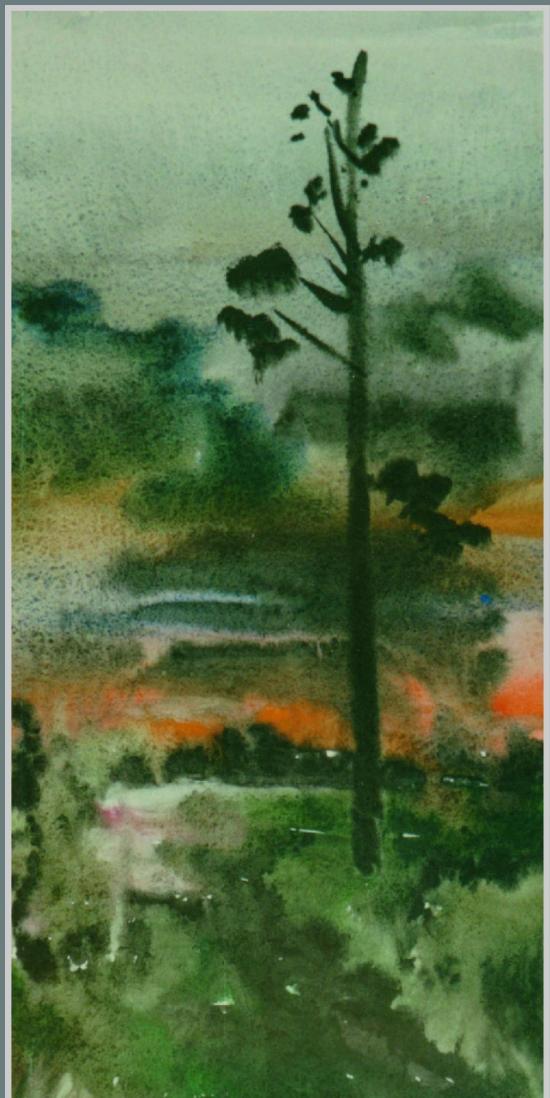
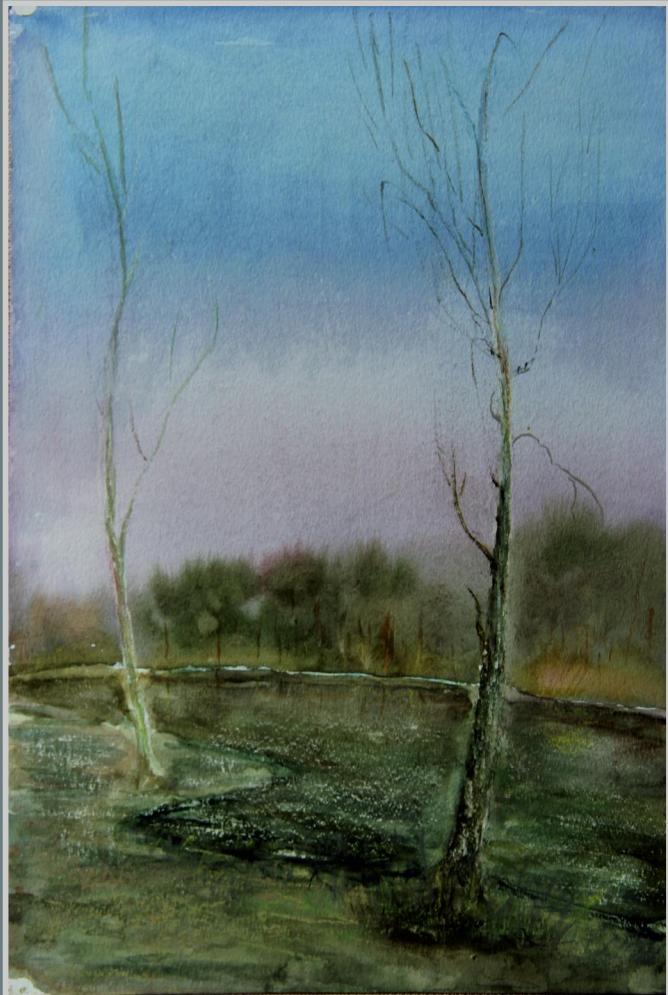
3.

4.

1. Лесная дорога
2. Оттепель
3. Краски осени
4. Ранняя весна

Двое

Конец тревожного дня

Оранжевая река

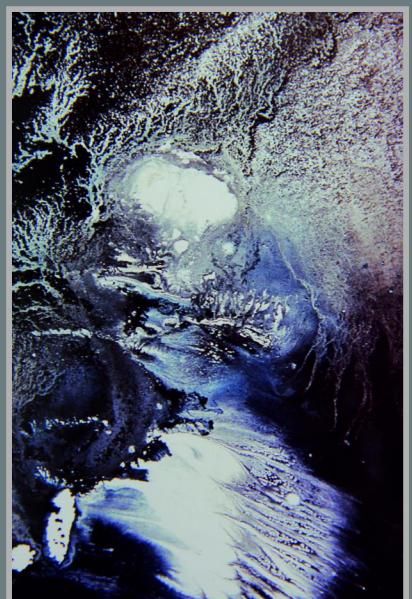

1.

1. Зимние деревья
2. Зимняя сказка
3. Зазеркалье

2.

3.

Танец

Кундалини

1.

1.

2.

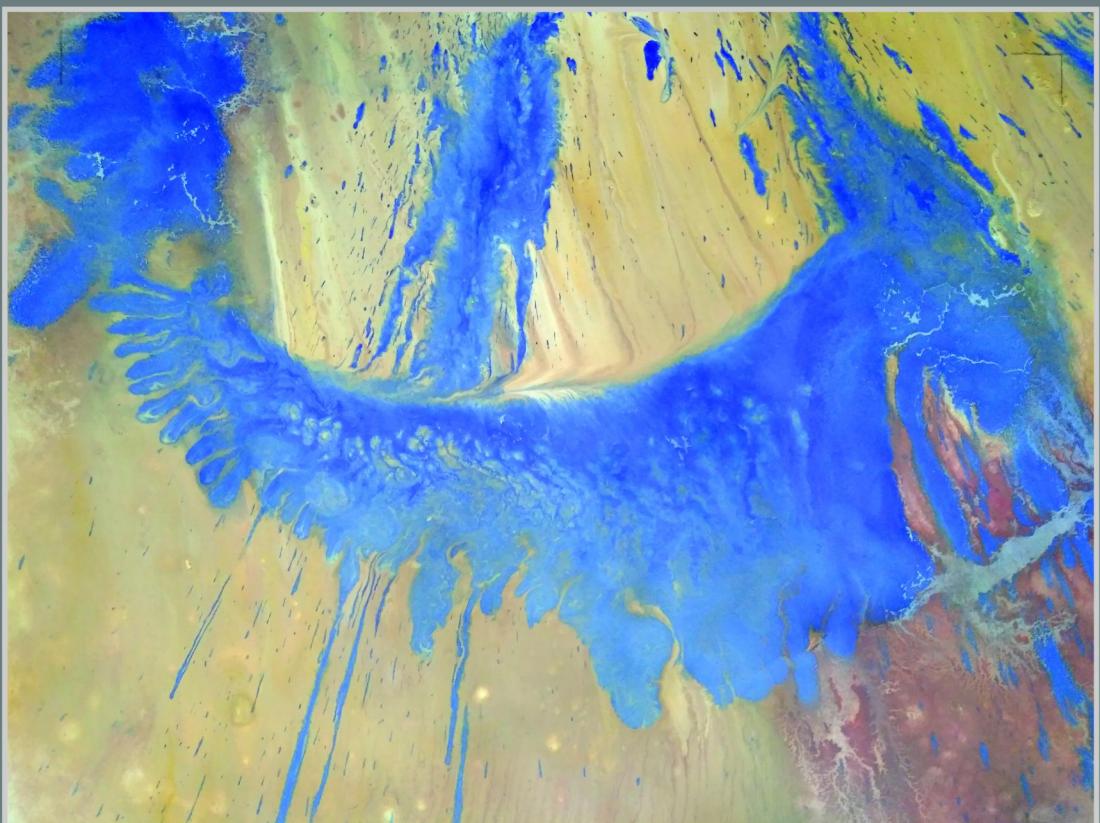
1. Черная дыра

2. Никс

3. «Как бы таинственное дело
решалось там, на высоте»

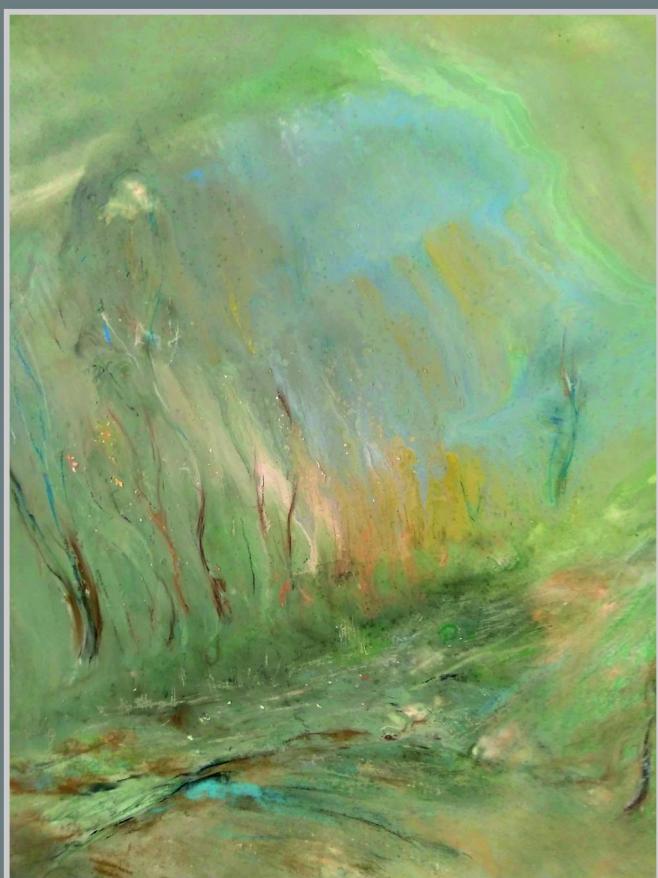
/ Ф.Тютчев /

3.

Возмездие

Осенний морок

На кладбищах вселенной

1.

1. Луна, волна, Ундиниа
2. Вторая жизнь.
3. Вечный огонь
4. Руки

2.

3.

4.

О, как ты рвешься в путь крылатый,
безумная душа моя,
из самой солнечной палаты
в больнице светлой бытия!

И, бредя о крутом полете,
как топчешься, как бьешься ты
в горячечной рубашке плоти,
в тоске телесной тесноты!

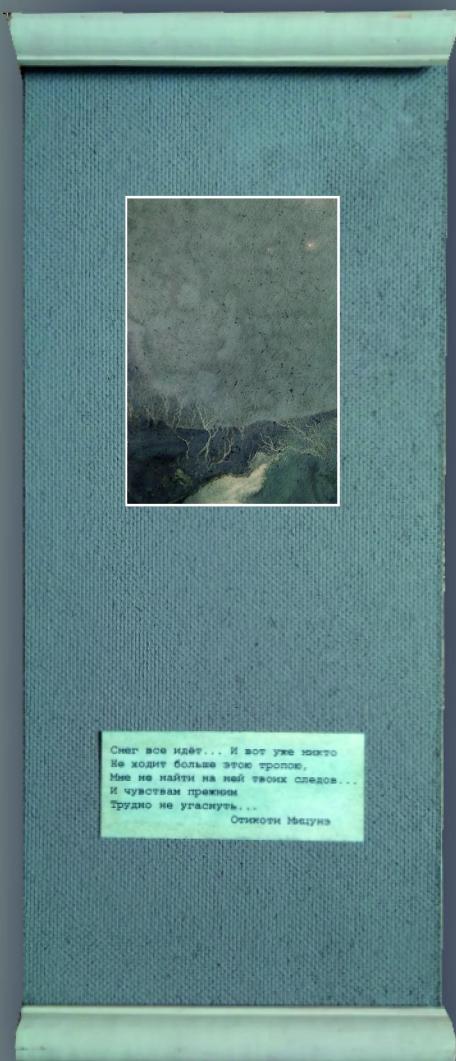
Иль, тихая, в безумье тонком
гудишь-звенишь сама с собой,
вообразив себя ребенком,
сосною, соловьем, совой.

Поверь же соловьям и совам,
терпи, самообман любя, –
смерть громыхнет тугим засовом
и в вечность выпустит тебя.

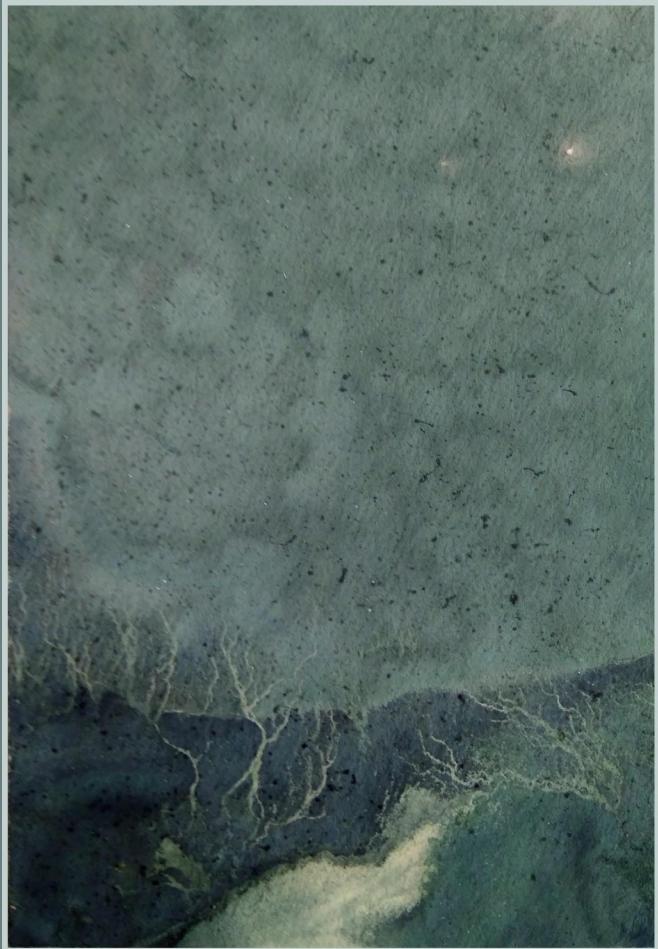
/ В. Набоков /

К другому берегу

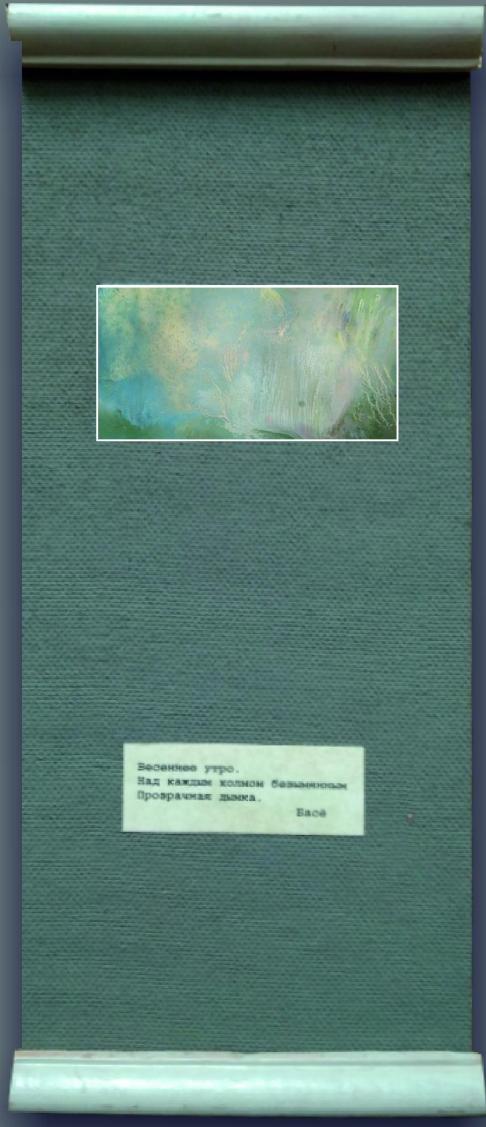

Снег все идёт... И вот уже никто
Не ходит больше этой тропой,
Мне не найти на ней твоих следов...
И чувствам прежним
Трудно не угласнуть...
Отикоти Мицунэ

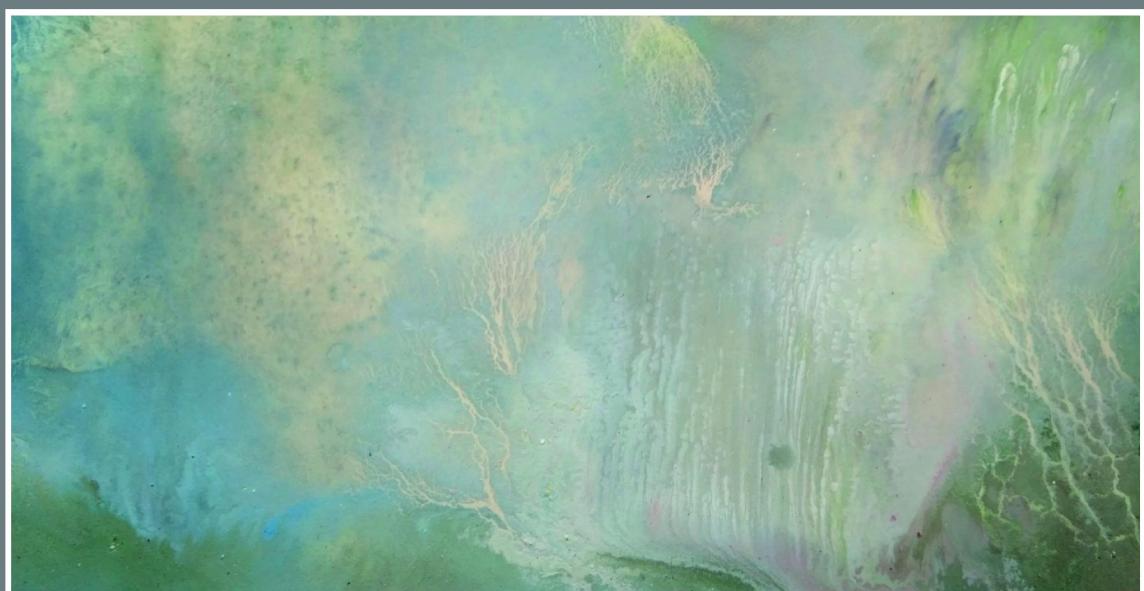

Снег все идёт... И вот уже никто
Не ходит больше этой тропой,
Мне не найти на ней твоих следов...
И чувствам прежним
Трудно не угласнуть...
Отикоти Мицунэ

Весеннее утро.
Над каждым холмом безымянным
Прозрачная дымка.

Басё

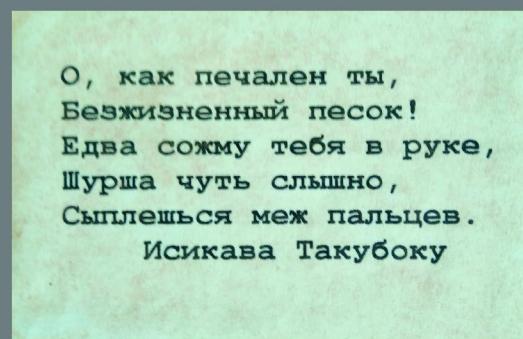
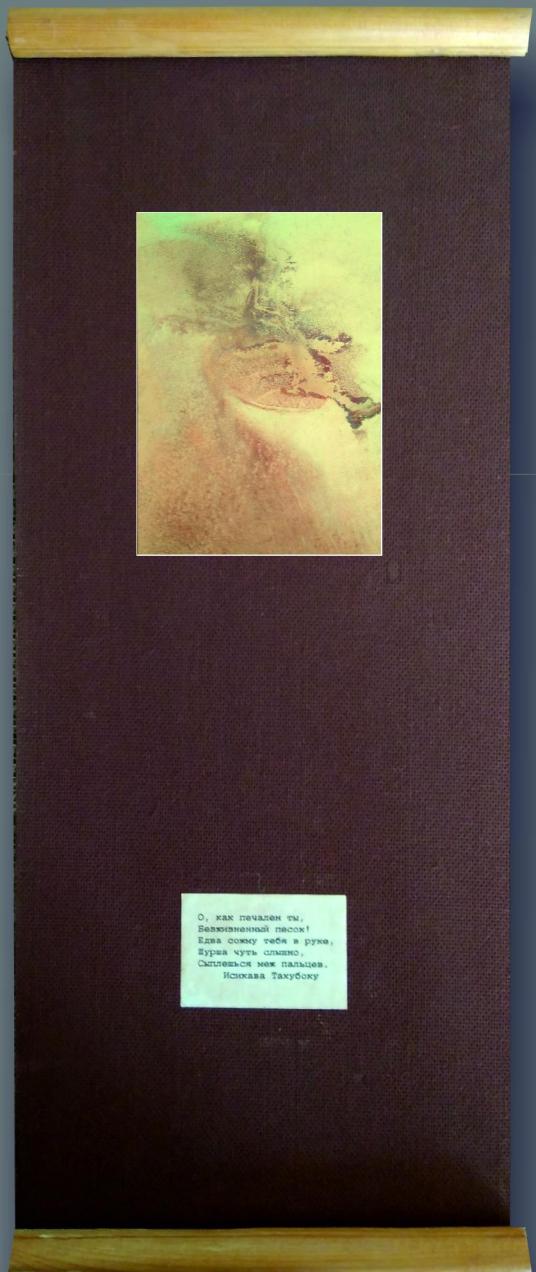

Я поднялся на холм,
Полон грусти - и что же:
Там шиповник в цвету!
Бусон

Я поднялся на холм,
Полон грусти - и что же:
Там шиповник в цвету!

Бусон

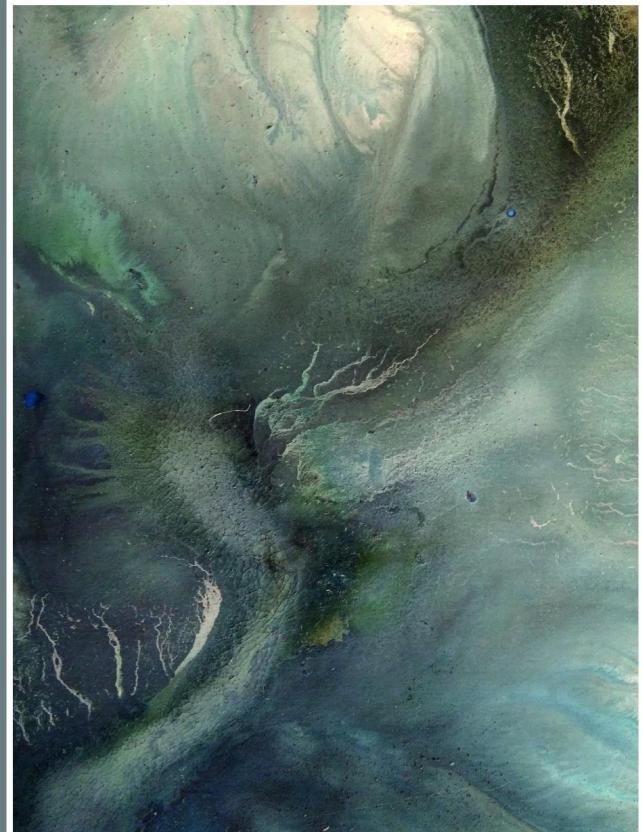
О, как печален ты,
Беездниненный песок!
Едва сожму тебя в руке,
Шурша чуть слышно,
Сыплемшься меж пальцев.
Исиакава Такубоку

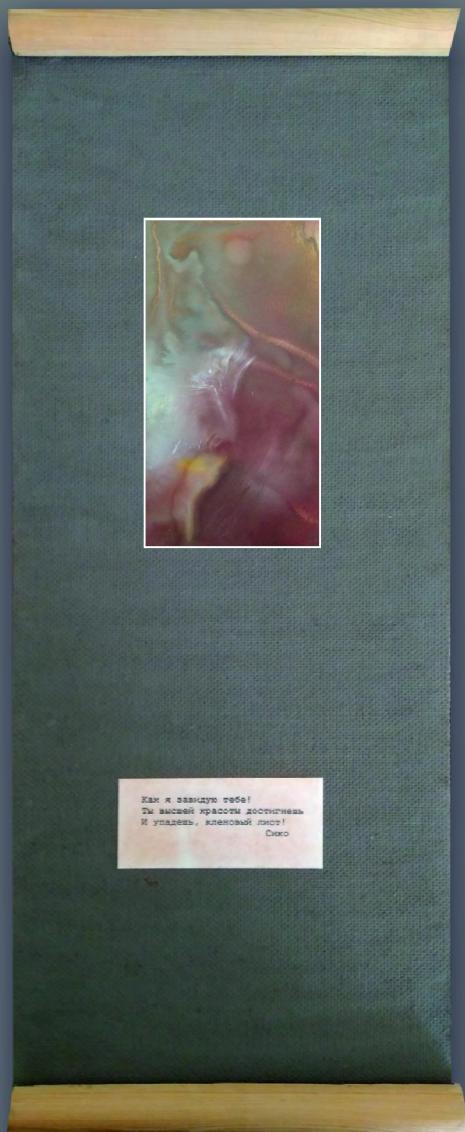
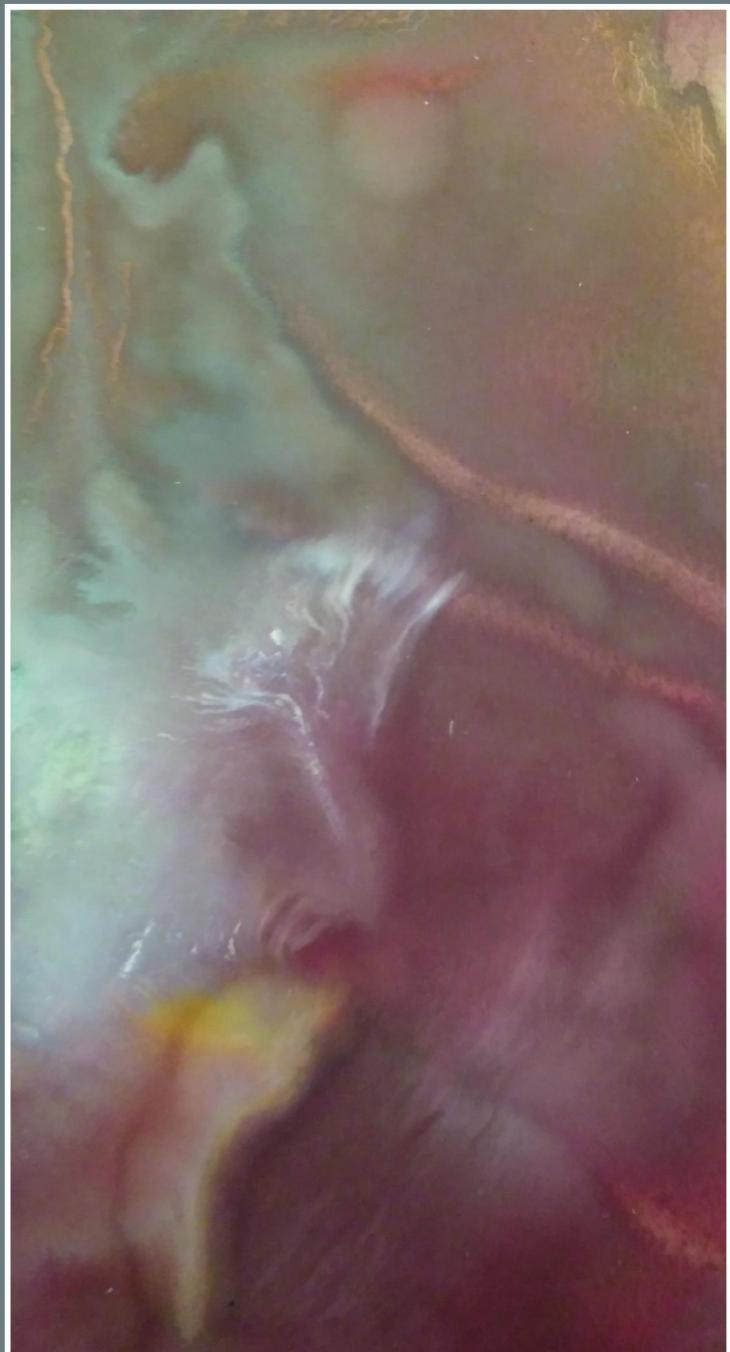
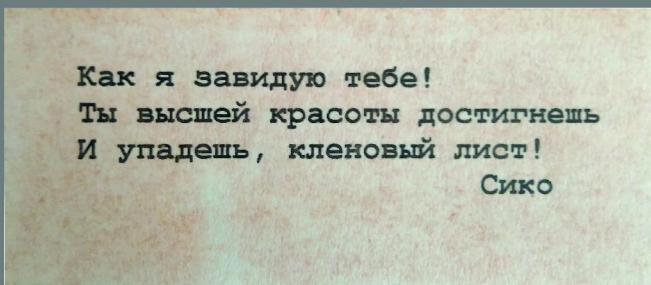

К западу лунный свет
Движется. Тени цветов
Идут на восток.
Бусон

К западу лунный свет
Движется. Тени цветов
Идут на восток.

Бусон

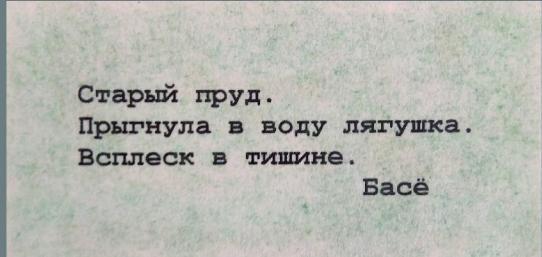

Осенний ветер
Мелкие камни бросает
В колокол храма.
Бусон

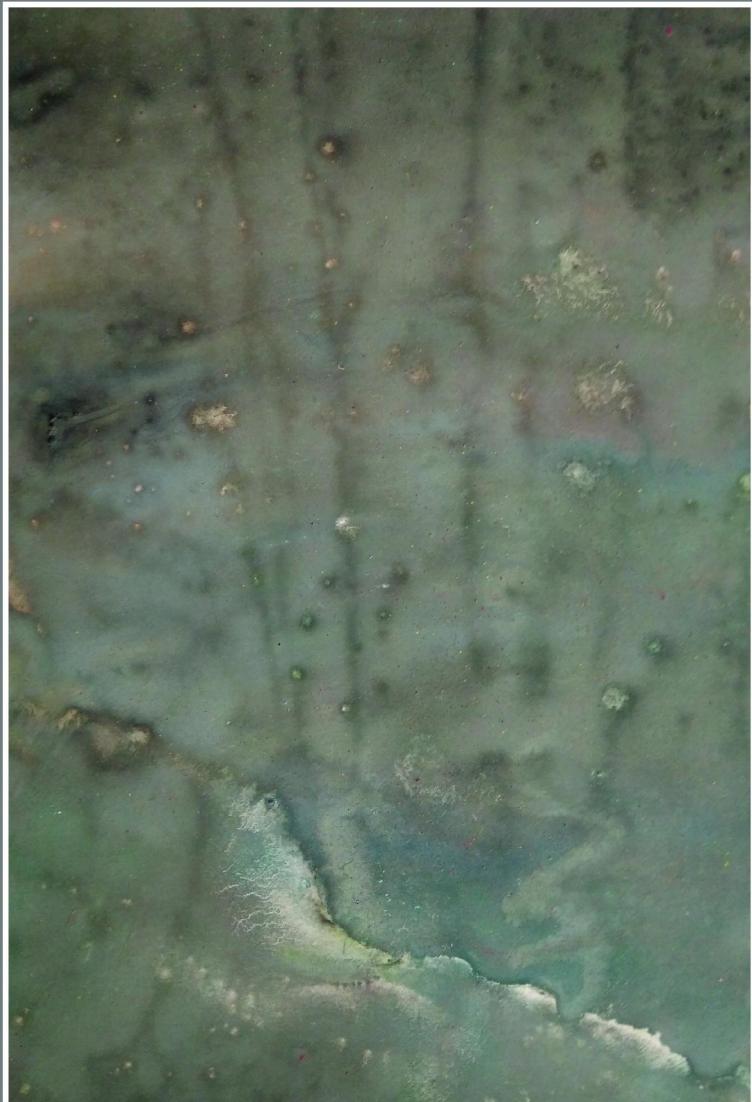

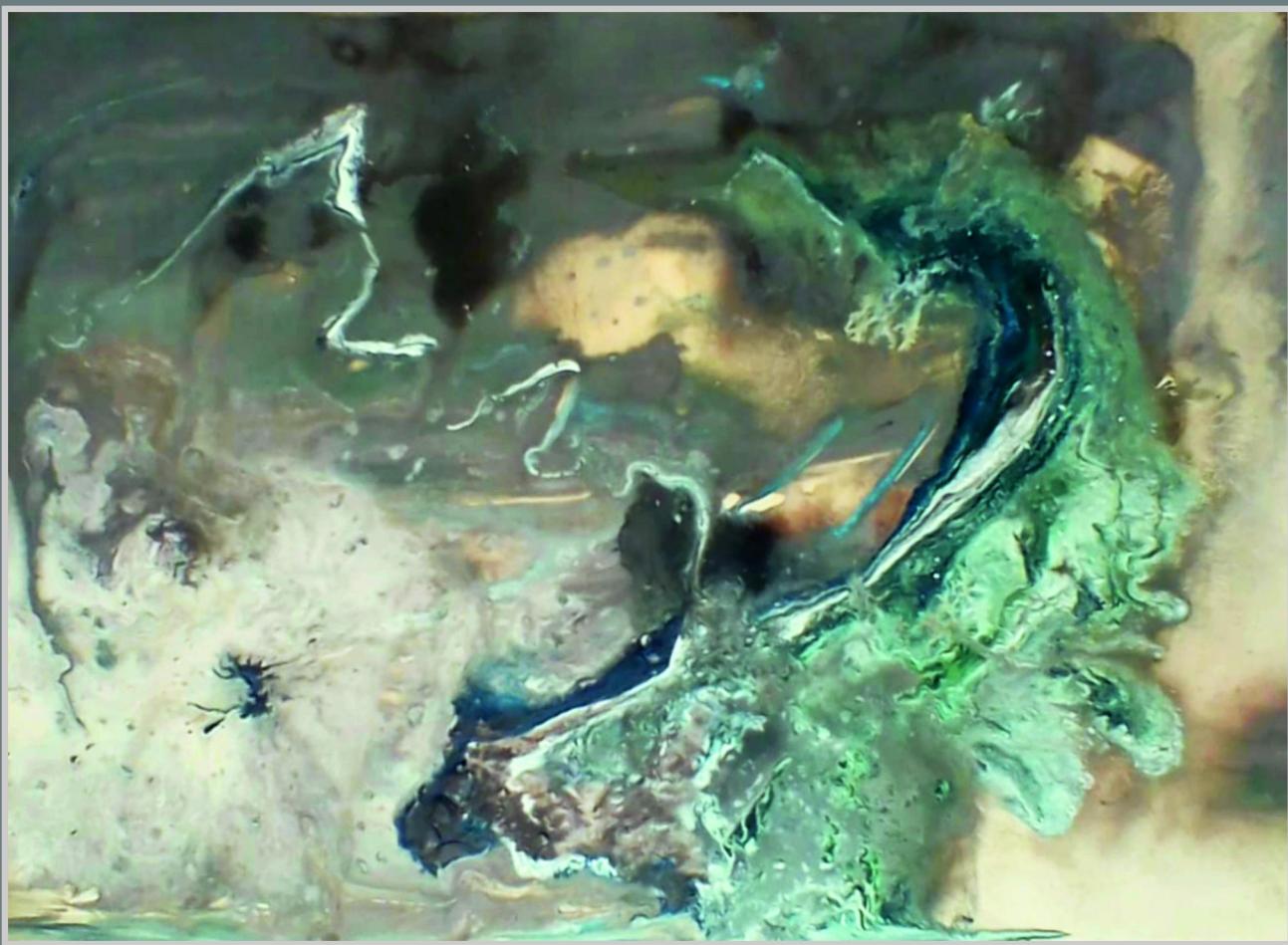
Осенний ветер
Мелкие камни бросает
В колокол храма
Бусон

Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.
Басё

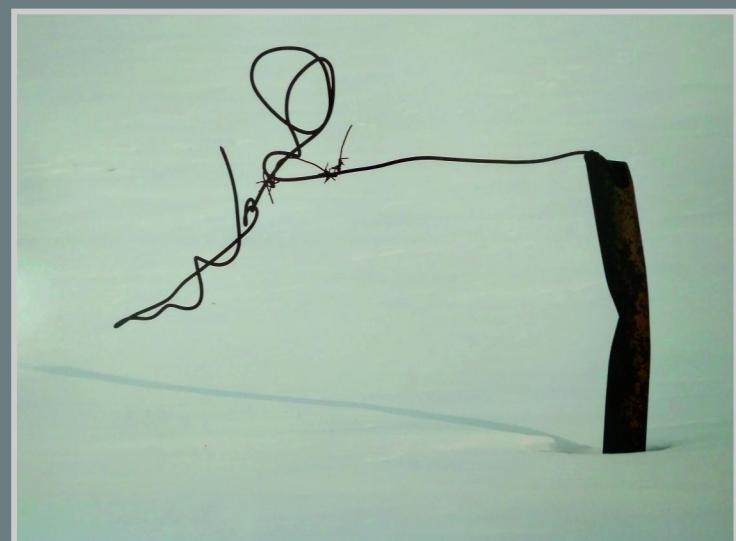

... И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами...

/ Ф. Тютчев /

Прошлое

Персона

Мы похожи на детей, играющих
на берегу бесконечного Океана Жизни.

/ Ньютон /

Предчувствиям не верю и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.

/ Арс. Тарковский /

Выражаю искреннюю благодарность
за теплые слова вступительной статьи
О. А. Марейчевой.

О. Гайдамович